

ТРАНСЛАТОЛОГИЯ В КРСУ: ОЧЕРК ПРОБЛЕМАТИКИ

В.И. Шаповалов

Рассматривается построение базовой модели подготовки профессиональных переводчиков, анализируется состояние транслатологии, выдвигаются стратегические проблемы развития научной отрасли.

Ключевые слова: государственная информационная политика; отечественная гуманитаристика; теоретическая транслатология; литературоведческая компаративистика; терминологический дискурс.

К моменту образования Киргизско-Российского Славянского университета (что само по

себе было новацией, породившей немало подражаний в других государствах) мир СНГ был, как

известно, пронизан деструктивными идеями, в том числе и в так называемых “общественных” науках.

Многим казалось, что художественный перевод в его роли “объединителя народов” утратил свое значение; тем более, что государственное финансирование культурного взаимодействия прекратилось. Одновременно перестали восприниматься как первостепенно важные проблемы интеграционного плана: сначала [1] изучение эволюции национальных стихотворных поэтик в процессе их художественной трансформации, а затем и [2] проблема межнациональных литературных связей и взаимовоздействий. Этому сопутствовало и падение научного уровня филологической культуры в вузах КР.

Важно, что в первых же научных сборниках КРСУ (независимо от российских “возрожденческих” установок, которые оформились значительно позже) проблематика художественного перевода стала одной из актуальных сфер отечественной гуманитарной отрасли – и, в первую очередь, как *собственно теоретической транслатологии*, так и связанной с ней *литературоведческой компаративистики* [3].

На конференциях, объединявших ведущие филологические силы университетов Киргизии, определился переводоведческий дискурс в лице, по крайней мере, нескольких проблем. Ряд из них активно разрабатывается сегодня в КРСУ.

1. Изучение устно-поэтических памятников кыргызской культуры в их иноязычной культурной функции, в частности, их рецепции в славянской, романно-германской, угро-финской и тюркоязычной аудитории, и значит – в мировой литературный контекст

“В наше время – и особенно на пространствах колыбели человечества Евразии, и, уж конечно, в урало-алтайском ареале – по-новому осмысливается историческая роль и формулируется нынешняя проблема народно-эпического дискурса. Понимание эпоса как национального уникама отказывается от традиционных имманентных смыслов – эпосы начинают по-новому осознаваться в отношениях межкультурного диалога. И точкой отсчета в диалоге (там, где речь о текстах культуры) является такой макропроцесс, как перевод. Понятно, что в этих новых отношениях любой эпический памятник живой культуры (и “Манас”, и “Олонхо”, и “Кобланды”, и былинный цикл) одновременно измеряется как в национальной, так и в общетипологической системе координат, ибо принадлежит как минимум нескольким фольклорно-мифологическим

мирам и историко-языковым планам. Перевод выводит их за языковые границы и делает достоянием человечества. Такова судьба крупнейшего в мире поэтического эпоса “Манаса”: столетняя энергия его воплощения на русском языке существенно облегчила киргизской культуре ее дорогу к международному признанию.

Сегодня финский перевод эпоса “Манас” задумывается в Стамбуле (благодаря проф. Э. Гюрсой-Наскали – и вот вам “урало-алтайский” контекст!), английский перевод – делается в Москве (усилиями покойного Уолтера Мея), обновленный французский перевод получает лингвистическую базу в Ташкенте и на Лазурном Берегу (стоит вспомнить одного из создателей киргизской грамматики Ги Имара, киргизоведа Реми Дора, исследователя тюркского Востока Клода Алибера), а турецкий перевод осуществляется в Германии (опять же благодаря подвижничеству Эминэ Гюрсой). Это показательно. Причем, специалисты всего мира знают и ценят то, что вообще-то непозволительно забыть: первые переводы эпизодов “Манаса” созданы тому уж как полтора года лет “российским немцем” академиком В. Радловым и “казахским принцем” – российским офицером Чоканом Валихановым. Эти изумительные опыты закономерно были проникнуты огромной позитивистской энергетикой немецкого и русского компаративного ориентализма: Европа шла на Восток, не ломая азиатское миропонимание, но, напротив, формируя основы евразийского мышления.

Среди бесчисленных попыток очертить синтезирующую роль национальных эпосов в сложении своих отечественных культур и художественного перевода в полифонии культур XX в. – очерчиваются границы самой продуктивной эпохи взаимодействия и синтеза русской и киргизской национальных культур” [4].

2. Вопросы поэтики перевода киргизской литературы (преимущественно на русский язык)

История художественного перевода видится на фоне задач общей историко-литературной экспликации 30 – 50-х гг. в Киргизии как история *литературной эпохи*, в качестве таковой содержащая *векторы движения поэтического перевода в этой эпохе, очерчивающая ее историко-литературные ситуации, их содержание и их границы, внутри которых перевод проходит ряд историко-культурных трансформаций*. Вместе с тем, содержание каждой историко-литературной ситуации тоже определяется специфическими особенностями развития. Прежде всего, это

соотношение принимающей и транслирующей литератур и их корреляция в переводе (восприятие, усвоение, использование, интерпретация); характер отбора произведения для перевода и социокультурные факторы этого отбора; выдвигаемые практикой и апробируемые историко-литературной ситуацией *типы и методы перевода*; если говорить о первых, то это *практика перевода через подстрочник-посредник*; если говорить о вторых, то это *взаимодействие “буквалистской” и “волюнтаристской” переводческих стратегий, оформляющихся в становлении формально-функционального метода* и попыток стабилизировать создаваемую литературную традицию, отграничить ее от “вольных обработок”.

Выполняя по отношению к киргизской литературе роль принимающей, русская литература одновременно становится литературой-посредником, что в 30–50-е гг. соответствует значению художественных ценностей устной поэзии –, в первую очередь, эпической и акынской, которые киргизская художественная культура начинает транслировать. Становление же и быстрое своеобразное развитие киргизской литературно-профессиональной поэзии как бы растягивает процесс ее рецепции и освоения русской принимающей культурой. Тезис Ю.И. Суровцева о том, что *“осваиваются явления, родственные тем, что уже имеются у себя, близкие художественно-эстетические явления, и тогда свое, сопоставленное со сходным, освоенным как бы по аналогии, с дополнительной силой доказывает собственную жизнеспособность”*, представляется применительно к истории киргизско-русского поэтического перевода несколько неточным, хотя исходная его направленность, вероятно, для глобальных, более масштабных процессов – не вызывает сомнения. Русская поэзия силами своих значительных по дарованию лириков этого периода перевела национальный эпос киргизов; изощренная эстетическая система наследников “серебряного века” русской поэзии оказалась вполне толерантной по отношению к эстетике памятников конно-кочевой цивилизации; переводилось не “близкое”, но постижение иной культуры, пусть не сразу и не вдруг, пусть со своими победами или упущениями, – состоялось.

Естественно было бы в этом плане ожидать и встречного воздействующего эффекта перевода на литературу – как принимающую (русскую), так и транслирующую (киргизскую). Как правило, в роли более активного рецептора оказывается более молодая литературная куль-

тура – и это закономерно: *“Сам перевод непосредственно участвует в литературной эволюции, но история переводов конкретных авторов показывает, что сперва переводы включаются в переводящую литературу, они переводятся как литературные произведения, решающие задачи своей литературы”* (П. Тороп). Уже от этого тезиса, применительно к материалу воссоздания киргизской поэзии на русском языке, исходит искомое уточнение: не только русская, но и вся многонациональная литература этого периода решает силами переводов свои определенные задачи. Следовательно, уже в системе отношений транслирующей и принимающей культур такого исторического плана наблюдается более сложный процесс, дающий переводческим принципам определенный толчок: киргизская поэзия – через русский язык – к многонациональной литературной общности и от нее – к взаимодействию с национальными литературами, в том числе и с русской. Очевидно, процесс этот более чем неоднороден в разные периоды, но воздействие на русскую (и русскоязычную) литературы даже тех художественных культур нашей страны, “новописьменных”, чья эстетическая системность и сегодня претерпевает фазы роста, – ощутимо при их переводе на русский язык в эту эпоху.

История любой отдельной национальной литературы – транслирующей или принимающей – может проследить здесь лишь одну из сторон процесса: либо историю переводной литературы в принимающем национальном контексте; либо восприятие и историческое функционирование инонациональной художественной образности, пришедшей с переводом “чужих” транслирующих контекстов; либо различные трансформационные процессы в поэтике и стилистике самой принимающей литературы, связанные с воздействием на нее инонационального художественного опыта через бытие переводной литературы (вновь заставляя думать о статусе и функциях последней). При этом усложняется само прочтение понятия *национальная литература* [5].

3. Осознание роли и места перевода в информационной политике государств среднеазиатского региона

Особая роль исторически отводится переводу в молодых “постсоветских” государствах, ибо прямо и с показательной исторической активностью связаны суверенитет и качественный рост межгосударственных, экономических, научно-образовательных и других взаимоотношений с международным контекстом. Давно бесспор-

ной представляется необходимость новой концепции государственного стандарта специальности для высшей школы.

Обостряется, таким образом, и необходимость в систематизированных сведениях о переводе как интегрированной области человеческой деятельности в конце XX в. в виде обобщенной информации (деятельность государств, этнокультурных сообществ, университетов, характеристика организаций переводчиков, журналов, совокупность форм, типов и функций перевода в социальной практике), которая позволила бы сформировать контекстно-системные представления о роли перевода, масштабах переводческих процессов и месте перевода в мире. Белым пятном во многом остается и внедрение системы сведений о переводе в научную, образовательную, социальную, коммуникативную, информационную и другие области деятельности, имеющие интеграционные цели в межкультурных, межнациональных и межгосударственных отношениях. Это характеризует своего рода *научный аспект* задачи. *Образовательно-интегративный* же аспект – использование терминологической системы в качестве информационно-методической основы “переводческих” специальностей при разработке программ подготовки переводчиков-практиков разных типов, магистров и докторов в университетах: а) по языковой парадигме (романо-германские, балтославянские, тюркские, арабо-персидские и др. этноязыковые ареалы), б) по профессиональной направленности (перевод технических текстов разного профиля, политической, дипломатической, юридической, гуманитарной, художественной и др. информации). Здесь значима опора на *информационно-методический аспект* при построении комплексной образовательной модели подготовки переводчика, базирующейся на двух тенденциях: а) *интегрирующей* (обучение методом перевода и на этой основе освоение иностранных языков), б) *дифференцирующей* (специализированная подготовка сложившихся билингвов). Важно потенциальное использование терминологии как опорного источника при выработке принципов подготовки переводчиков в новых постсоветских государствах Центральной Азии, чьи экономические, политические и культурные отношения с мировым социумом в новом качестве особенно остро ощущают дефицит профессиональных переводчиков [9].

В таком смысле все предпринятое могло бы развиваться в нечто близкое оптимальной стартовой базе для разработки универсализованной ин-

тердисциплинарной образовательной программы подготовки специалистов в области перевода. Различие традиций подготовки переводчиков и функций перевода в государствах центрально-азиатского региона и странах Европы делает еще более актуальными перспективы изучения перевода как параллельной (одновременной и/или альтернативной) формы при базовой подготовке различных специалистов [6].

4. Когнитивные аспекты: научная терминология перевода, частные вопросы лингвистики перевода, методология художественного перевода, академические аспекты подготовки переводчиков

Система научных понятий и дефиниций транслатологии, развивающаяся пропорционально развитию самого перевода, не обобщена в некий единый тезаурус. Отсутствует и должным образом систематизированная информация о переводе как виде информационно-культурной деятельности (институты, организации, центры и ассоциации; принципы, методы и формы). Проблема обострена перманентным дефицитом блоков современных учебников, соединяющих концептуальный научный подход и практические методики, равно как и отсутствием единой базовой терминологической системы, которая бы объединяла многообразие форм изучения иностранных языков в специфике перевода и способствовала бы консолидации транслатологии как отрасли науки. Создание терминологического словаря мыслится как: а) компенсация отсутствия терминологического единства в одной из важнейших отраслей научной, образовательной и цивилизаторской деятельности человечества, б) систематизация справочной информации о переводческой деятельности в мире, обобщение и интеграция в единую понятийно-терминологическую систему, обслуживающую науку о переводе, интердисциплинарных терминов и понятий, утвердившихся в теории, истории и практике перевода или принадлежащих традиционной терминологии общего и сравнительного языкознания, теории коммуникаций, информатики, общего и сравнительного литературоведения, поэтики и стилистики, этнокультурологии, лингвострановедения, философии, политологии и др. научных отраслей.

Это предполагает: во-первых определение потенциальной интердисциплинарной аудитории Словаря: а) ученых, разрабатывающих теоретические, исторические, прагматические аспекты письменного перевода (технические, политические, художественные и др. тексты),

симультанного (устного) перевода; б) профессиональных переводчиков; в) редакторов перевода; г) специалистов в области коммуникации и информационных технологий; д) студентов различных специальностей, изучающих иностранные языки с позиций практического овладения навыками перевода. Во-вторых, это основывается на использовании терминологического контекста, соответствующего этой интердисциплинарной аудитории. Эти термины призваны в совокупности: а) дать полное представление о переводе как объекте научного исследования; б) содержать ответы на вопросы, возникающие в практической деятельности переводчиков; в) составить понятийную систему, позволяющую эффективно готовить специалистов в области перевода (магистратура, аспирантура, докторантура). В-третьих, является актуальным определение комплекса “пограничной” терминологии, связанной с воспроизведением в переводе различных стилистических принципов, экспрессивных языковых средств (характерных для всех текстов (не исключая, в том числе, и технические) в переводческой практике. *Определение принципов описания каждого термина:* а) демонстрация всех принятых (одного или нескольких) толкований термина; б) выработка контаминированного рабочего определения с учетом предшествующих; в) установление области распространения термина (контекст научной дисциплины или рода деятельности, где этот термин действует в данном значении); г) выбор иллюстративных примеров, комментирующих функциональное содержание термина. Имеется в виду и создание, и последующее расширение базы научных источников терминологии. Каждый термин используется, получает корректную научную расшифровку и / или иллюстрируется практическими примерами: а) словарей – лингвистики, информатики и др., где тот или иной термин несет в себе функциональную принадлежность к процессу перевода или изучению перевода; б) научных исследований, принадлежащих различным отраслям наук, где затрагиваются проблемы перевода и используется та или иная (локальная, индивидуальная, окказиональная, заимствованная и др.) терминология перевода.

Известно негативное отношение ряда исследователей к транслитерации как способу перевода; область ее применения резко ограничивается научной и справочной литературой. По мнению же крупнейших транслатологов (С. Флахова и С. Флорина, В.Н. Комиссарова, Дж. Кэтфорда, А.Д. Швейцера, П. Торопа), транслитерация за-

кономерна и в переводах художественной литературы. Она, во-первых, создает “потенциальные” лексические единицы, которые нельзя считать эквивалентными действительным лексическим единицам, а во-вторых, придает слову строго терминологический характер, превращая его в некий символ, подобный химическому или математическому. Но роль этого способа перевода в научной и художественной литературе является различной. Если в научной литературе транслитерация и придает слову строго терминологический характер, то в отношении художественной литературы этому препятствует не только весь строй художественного произведения, но и ближайший контекст. Здесь функция не ограничивается строгой “терминологичностью”, которая характерна для транслитерированного слова в научном тексте, где или известно значение термина, или оно раскрывается. Когда этих условий нет, терминологическая функция не реализуется в тексте и прием часто является лишь знаком некоей экзотичности. Однако ни “терминологичность”, ни “экзотичность” (если так можно выразиться) транслитерации как способа перевода не могут препятствовать ее использованию.

В Киргизии в процессе расширения рамок перевода и передачи символов международного лексикона транслитерация становится важной проблемой подготовки специалистов и в контексте задач межкультурной коммуникации. Инициатива изучения этой проблемы предпринята в КРСУ – проведена соответствующая конференция; переводоведческий аспект проблемы предложен Центром “Перевод”.

В русле проблем, разрабатываемых сегодня в Центре “Переводов” КРСУ, актуализуется мысль о том, что культура нового Киргизстана только складывается. И если она преодолет соблазн самолокализации и в качестве светской культуры начнет реализовывать потенциал в контексте глобализационных процессов, то перевод займет в ней подобающее место – и как наука, и как практика. Тем более что у понятия “перевод” есть несколько значений.

Во множестве ролевых функций складывается самое важное, инвариантное его свойство: *перевод представляет собою мощнейший универсум человечества на протяжении всей его культурной истории, самый массовый и в то же время самый когнитивно непознаваемый культурно-исторический феномен человечества. Это, прежде всего, универсальный процесс познания и преобразования. Это результат. Это коммуникативный акт. Это семиотическое свойство*

информации – способность к качественным превращениям. Перевод – это также совокупность современных представлений о мире, в той или иной мере связанных с наукой и практикой, с огромным количеством вовлекаемых в его орбиту смежных отраслей человеческой деятельности. В соответствии с этим моделируется современный облик перевода как коммуникативной макросистемы, служащей, как известно, одним из важнейших средств общения языков, культур, этносов, наций. Понимание природы и внутренней организации процесса перевода, его многоаспектной коммуникативной роли в принципе опираются на междисциплинарный подход к междисциплинарному же комплексу знаний [7].

Эти проблемы в той или иной мере сегодня соответствуют актуальным интересам социума и состоянию научной отрасли в КР, где, откровенно говоря, ставят более обширные (как и более специфические) теоретико-методологические задачи было бы преждевременно. Тем более важна и показательна их актуализация и последовательная разработка в Киргизско-Российском Славянском университете.

Литература

1. Шаповалов В.И. К проблеме актуализации подготовки профессиональных переводчиков в контексте языковой политики суверенного государства и информационного рынка: проект создания терминологического словаря науки о переводе как учебного пособия для университетской подготовки переводчиков // Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. Труды Института мировой культуры. Вып. II. Бишкек; Лейпциг, 2000.
2. Шаповалов В.И. “Подстрочник” в транслатологической типологии и его литературная судьба в Кыргызстане // Перевод и будущее перевода: материалы второй международной научной конференции. Бишкек: КТУ “Манас”. 2010.
3. Шаповалов В.И. Транслитерация в переводческом дискурсе // Кыргызское слово в русском языке: материалы симпозиума “Фонологические принципы и средства транслитерации кыргызской лексики в русском языке”. Бишкек: КРСУ, 2010.
4. Шаповалов В.И., Сарылова Э.А. Стратегия эпоса “Манас” и стратегия отечественной культуры // Традиции интернационализма в Кыргызстане: исторические корни и современные перспективы: международная научно-практическая конференция. Бишкек: КНУ, 2010.
5. Шаповалов В.И. Основные термины транслатологии – науки о переводе // Мастерство перевода русской литературы на киргизский язык: программа спецкурса и спецсеминара: учеб.-методич. пособие для студентов-филологов. Бишкек, КРСУ, 2009.
6. Плоских В.М., Бекбалаев А.А., Шаповалов В.И. “Перформанс приоритетов”: прошлое принадлежит будущему (Поиск идентичности и контексты национальной истории) // Вестник КРСУ, Т. 10, 2010. №8. с. 3–7.
7. Shapovalov V.I. “Translation Enciklopaedia” as virtual textbook // Eurasia Online’ 98: New markets for telematics products and services for education and training health care and electronic commerce: International Conference / Ed. by D. Ziyasheva, J. Babot. – Almaty; Luxembourg: European Communitas, 1998. P. 50–55.